ГЕРОЙСКАЯ ОБОРОНА НАУРСКОЙ СТАНИЦЫ В 1774 ГОДУ

«Оборона Наурской станицы моздокскими казаками десятого июня 1774 года представляет собой один из тех подвигов, которые, не имея большого политического и военного значения, вместе с тем невольно останавливают на себе внимание и современников и потомства, поражая ум и воображение. И в летописях царствования великой императрицы русской, столь славного богатырскими делами, и в летописях кавказской войны этот эпизод должен занять место между славными подвигами, прославившими русское имя.

Была первая турецкая война, и Наурскую станицу обложило восьмитысячное скопище татар, кабардинцев и турок, под предводительством калги из рода крымских султанов. Строевые казаки еще не возвращались из похода, и дома оставались только старики, женщины, дети и легионная команда. У неприятеля был явный расчет захватить врасплох беззащитных жителей станицы, которая едва только устраивалась, хотя, правда, и была обнесена валом и снабжена орудиями. Неприятель не знал, однако же, с кем будет иметь дело и встретил небывалое войско с небывалым оружием. Разряженные наурские казачки в красных сарафанах вышли на защиту родного города и отражали неприятельские приступы наряду с мужьями и братьями. На женщин, между прочим, была возложена обязанность поддерживать костры, разогревать смолу и лить со стен кипяток на головы штурмующих. Сохранилось предание, что даже щи, парившиеся к обеду, шли у казаков на дело защиты.

Оборона Наура была первым случаем, когда от кавказской женщины понадобилась серьезная и опасная боевая служба. Впоследствии она уже не расставалась с ней и сроднилась, как с чем-то неизбежным среди суровой обстановки порубежного быта. Моздокские казачки не пугались ни свиста вражеских пуль, ни стрел, ни дикого рева и гика нападающих неприятелей. Спокойно, рядом со старыми волжскими бойцами встречали они яростные атаки татар, защищались серпами, косили косами смельчаков, появлявшихся на земляном валу станицы. Чугунные пушки перевозились на людях с места на место, смотря по тому, откуда усиливался приступ.

Несколько отбитых штурмов дорого стоили татарам. Полагают, что их потеря простиралась до восьмисот человек и что большая часть ее пала от кабардинцев. В числе убитых кабардинцев был и один из известных владельцев, князь Кагока Татарханов, и тело его осталось на поле сражения. Уже одно это обстоятельство показывает, как сильно было смятение татар, считающих священным долгом выносить из боя тела убитых товарищей, а тем более вождей и предводителей.

Целый день длилась кровавая борьба за обладание Науром, и целый день истомленные боем наурцы ожидали выручки, но выручка не появлялась. Станица Червленная лежала всего в сорока верстах, но сообщение с ней было прервано.

Говорят, что в Червленной был слышен гул пушечных выстрелов, но что командир пехотного полка, расположенного в станице, почему-то думал, что у наурцев идет совсем не кровавая драма, а водевиль с потешными огнями, до которых, нужно сказать мимоходом, был великий любитель начальник моздокских казаков старый полковник Савельев.

Так прошел день десятого июня. Одиннадцатого с рассветом вновь загремели казацкие пушки, но к общему удивлению неприятель быстро стал отходить от станичных валов, и скоро беспорядочные толпы его скрылись из глаз изумленных наурцев. Никто не знал и не догадывался о настоящей причине столь поспешного отступления вражеского табора, и уже впоследствии только стали говорить, что снятием осады Наур обязан был казаку Перепорху, наведшему орудие прямо на высокий курган, где стояла ставка калги, и счастливым выстрелом убившего любимого племянника предводителя. В этой случайности калга увидел для себя дурное предзнаменование и больше не хотел оставаться на тех полях, которые обагрены были неповинной кровью юноши...

Спустя много лет после этого события, в 1838 году, казаки разрывали однажды станичный курган, на котором, по рассказам их дедов, стояла ставка крымского султана, и действительно нашли

в земле человеческие кости, серебряный кувшин и золотые украшения с пояса и конской сбруи. Кто знает, быть может, это и были останки того человека, случайная смерть которого решила участь наурской осады.

Хотя рассказ о казаке Перепорхе и его удачном выстреле и довольно популярен среди жителей Наурской станицы, но большинство казаков и доныне приписывает снятие осады и бегство неприятеля только особому Божьему покровительству. Предание говорит, что на заре одиннадцатого июня, в день памяти святых апостолов Варфоломея и Варнавы, два всадника на белых конях и в белой одежде проехали вдоль вражеского стана и навели на татар панический ужас. В ознаменование этого события в наурской церкви устроен даже придел во имя апостолов Варфоломея и Варнавы, и день одиннадцатого июня празднуется в Моздокском полку до настоящего времени.

"Это бабий праздник", - говорят о нем казаки, вспоминая славное участие, которое приняло в бою женское население станицы. Многие из представительниц славного дела дожили до позднейшего времени, и посетители Наура еще не очень давно встречали старых героинь, украшенных медалями за его оборону.

Видная роль, выпавшая на долю женщины-казачки при защите Наура, была особенной причиной, почему кабардинцы долго не могли забыть позора своего поражения. Даже мирные из них старались не встречаться с моздокским казаком, боясь насмешек насчет того, "как Кабарда пошла воевать, да не управилась с казацкими бабами". Когда же приходилось встречать кого-нибудь из них с обожженным ищем, то казак и казачка не пропускали, бывало, случая позубоскалить над злополучным джигитом.

- А что, дос (приятель), не щи ли в Науре хлебал? - спросит, бывало, линеец и провожает добродушным смехом угрюмо молчащего кабардинца.

В.А. Потто, "Кавказская война"

Михаил Лермонтов

Дары Терека

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:
«Расступись,
о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен
грудью облаков,
С чуждой
властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое, пригнал».
Но, склонясь
на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:
«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый,
безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною косой».
Но, склонясь
на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:
«Слушай, дядя:
дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными
плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».
Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхаясь, всплыла.
И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.
Он взыграл,
веселья полный —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.